

С. Поляков (Литовцев)

О поэте Бальмонте

Последние новости. 1920. 10 нояб. No 169. С. 3.

Русская литература, No 3, 2004

[OCR Бычков М.Н.](#)

К. Д. Бальмонт свершил серьезное преступление: нарушил церемониал бегства из советской России. Вместо того, чтобы бежать из Москвы тайно, странником пробираться через леса и долины Финляндии, на границе случайно пасть от пули пьяного красноармейца или финна, -- он четыре месяца упорно добивался разрешения на выезд с семьей, получил его и прибыл в Париж неподстреленным.

Прибыв в Париж, Бальмонт продолжал обнаруживать преступные наклонности. Вместо того, чтобы с поезда отправиться в две-три русские газеты, потребовать пера и чернил и передать всем "тайны" Москвы -- о том, например, что в Москве существует чрезвычайка, что там господствует жестокий террор и тому подобные, почти никому не известные вещи, -- он постарался найти недорогой отель и лег спать после очень утомительной дороги.

За преступлением последовало наказание. Когда Луначарский в московской газете опроверг слухи о том, что Бальмонт ведет за границей агитацию против советской власти, все сказали "ага!". Сказали многозначительно. Бальмонт в переписке с Луначарским. Ну, конечно, большевик!

Бальмонт питает чрезмерное отвращение к газетной полемике. Друзья убедили его, однако, разъяснить публично, откуда и по какому поводу он писал Луначарскому. Он это сделал. Письмо написано им из Ревеля под влиянием и в интересах нескольких русских писателей, оставшихся в Москве и тоскливо ожидающих такого же разрешения на выезд из России. Бальмонту сообщили, что красные жандармы противятся выезду этих писателей на том основании, что Бальмонт, не успев перейти границу, в Ревеле, на большом митинге, выступил против советской власти. Бальмонту передали негодование против него литературных пленников Москвы: сам вырвался, а нас губит... Желая помочь московским писателям, Бальмонт написал Луначарскому простое сообщение, что слухи эти неверны.

Какой-то французский прокурор сказал:

"Дайте мне любые несколько фраз, написанные любым человеком, я найду в них материал для обвинения и смертного приговора".

(Надо будет справиться у М. Алданова, как звали этого прокурора, на какой улице он жил.)

Бальмонт, по неопытности в искусстве сочинения писем в редакцию, написал в своем письме в редакцию парижской газеты несколько фраз, которые опытному газетному полемисту могли дать блестящую тему для громоподобного фельетона. Так, он писал, что "все, что совершается в России так сложно и так перепутано". Фраза воистину многогранная. Она и верна, и не верна, ясна и туманна. Кроме того, Бальмонт намекнул на то, что многое из того, что делается в "культурной" Европе, ему также глубоко противно...

Ясно было, что Бальмонт больше всего не хотел в своем ответе усердствовать и подлаживаться под тон установленного образца за номером таким-то...

Это подало основание одному публицисту спросить:

-- Что сложно? Массовые расстрелы? Что перепутано? Систематический грабеж, разгон учредительного собрания, уничтожение всех свобод, военные экспедиции для усмирения крестьян?

Сложно отрицать, что вопрос поставлен остро и ловко. К сожалению, слишком остро и слишком ловко. Автор пишет о своем "преклонении перед поэтом". И в то же время позволяет себе ставить ему вопрос:

-- А не сочувствуете ли вы, милостивый государь, расстрелам невинных людей? грабежу? порке крестьян?

Но в фельетоне есть мысль правильная.

"Русское общество вправе требовать отчета у Бальмонта (как и у всякого другого гражданина) об его отношении к преступному большевизму". И этому поводу я считаю долгом сообщить, что мне от достоверных лиц известно о поведении Бальмонта в Москве.

Бальмонт не приспособлялся ни одной минуты к советской власти. Не писал в большевистских изданиях, не служил, не продавал Пролеткульте своих произведений. Бедствовал безмерно. Жил со своей семьей в голоде и холоде. Средства его составлялись из доходов от частных лекций на литературные темы. Некоторые друзья иногда приносили ему куски сахара и щепотки чаю. Ему угрожала смерть от голода. Но и тогда он отклонил предложение советской власти о покупке у него его книг. Пока друзья не